

ШАВА 1

В кабинете было так жарко, что ему казалось, все плавится. Жесткое сиденье рабочего кресла сделалось невыносимо горячим, и он ерзал на нем, как на раскаленной адовой сковородке. Тонкая ткань рубашки на спине превратилась в один огромный горчичник, и между лопатками жгло невыносимо. Пыльные лопасти старого вентилятора совершенно не спасали ситуации. Видит бог, они старались, с жалобным поскрипыванием разгоня горячий воздух, но лучше не становилось. И даже слова пожилой женщины, сидевшей напротив, казавшиеся поначалу полным бредом, вдруг перестали таковым казаться. Ее нытье превратилось в странный ритуальный речитатив, напоминающий шаманский абарал. Он где-то слышал это слово и совершенно точно знал, что оно означает шаманские заклинания. Правда, затруднялся сказать, какой национальности оно принадлежало, то ли бурятам, то ли индейцам. Но это было неважно. Важным сейчас казалось то, что женщина, похоже, добилась своего. Он готов был ее слушать, уже почти поверил ей и собирался пойти с ней туда, куда она его звала.

Галина РОМАНОВА

Конечно, конечно, побуждением к действию вполне могло быть желание поскорее вырваться из душного кабинета, в котором ближе к полудню становилось просто невозможно дышать. Он сейчас готов был пойти куда угодно, лишь бы слезть с огненного сиденья рабочего кресла. Пусть даже идти ему пришлось бы следом за ней — за Скоморовой Анной Ивановной.

— Анна Ивановна...

Он осторожно ставил локти на стол — из опасения обжечься. Его кабинет сейчас напоминал ему мартеновский цех.

— Анна Ивановна, я готов пойти с вами. И готов взглянуть на то место, которое вы называете местом преступления, — признался он нехотя. — Но для начала давайте еще раз все уточним.

— Давайте, — очень медленно кивнула она.

Очевидно, горячий воздух, гоняемый по кабинету скрипучими лопастями старого вентилятора, и ее измучил.

— Вы утверждаете, что ваш ученик...

— Мой бывший ученик, — поправила она.

— Да, хорошо... Вы утверждаете, что ваш бывший ученик — Ильин Глеб Сергеевич — причастен к ряду преступлений. Правильно я вас понял?

— Совершенно.

— И преступления эти он начал совершать, еще будучи ребенком?

— Подростком, — внесла она уточнение. — Первый раз это случилось, когда ему было четырнадцать лет.

— Сейчас ему двадцать восемь, — задумчиво обронил он.

• *Игры небожителей* •

— Совершенно верно. Первый раз это произошло четырнадцать лет назад. Именно тогда он убил моего...

И снова голос изменил ей, дрогнув. Всякий раз, как она доходила до этого места в своем длинном повествовании, голос ее срывался.

— Когда он убил моего мальчика. Моего единственного сына, — нашла она в себе силы договорить до конца. — Но он был тогда не один. Их было двое. Ильин и Сугробов. Одному было четырнадцать, Ильину. Сугробову было шестнадцать. Он был на два года старше.

— Был... Вы все время говорите о нем в прошедшем времени, Анна Ивановна. Почему?

— Потому что его больше нет.

— Как это?

— Ильин убил и его тоже.

— И тому есть официальное подтверждение?

Он вдруг заинтересовался и перестал чувствовать себя овощем, подвергшимся тепловой обработке. Про Сугробова она заговорила впервые.

— Нет. — Она высоко задрала подбородок и с ненавистью глянула на него из-под опущенных редких ресниц. — Нет тому никакого подтверждения. Потому что Сугробов пропал так же, как и мой ребенок. Несколько месяцев назад пропал.

— И его никто не искал?

— А кто его станет искать? Кому это нужно? Сестре, которую он изводил своими пьяными дебошами? Бывшей жене, которая устала от него прятаться? Мне кажется, что они все перекрестились, когда он вдруг исчез.

— А когда это случилось? Когда Сугробов исчез?

Галина РОМАНОВА

— Три месяца назад.

— То есть в начале весны?

— Да.

— А почему вы пришли к нам только сейчас?

— Ну почему же! — Она фыркнула и широко распахнула глаза цвета черного неба. — Я приходила три месяца назад. Говорила с вашим начальником. Новиков, кажется? Только от меня отмахнулись как от назойливой мухи. Заявления о его исчезновении я написать не могла, потому что не являюсь родственником. А его родственники, сколько я с ними ни говорила, подобных заявлений писать не стали.

— А вам?..

Договорить она ему не позволила:

— Да, а мне больше всех нужно! Потому что у меня была причина. То есть она и есть. Она не исчезла. И причина эта в том, что тело моего ребенка так и не было найдено. А виновные не были наказаны.

— Потому что они не были найдены?

— Ай, бросьте! — Ее лицо исказила гневная гримаса. — Все знали, кто стоит за его исчезновением. Все! Включая ваше руководство. Но как можно было взять под подозрение сына мэра? О чем вы! Уважаемая семья, прекрасная политическая карьера, и вдруг такое! Да кто позволит дать этому делу ход?

«Никто, — подумал он. — Особенно четырнадцать лет назад».

— Никто и не позволил. Тем более из-за сына какой-то учительницы. Кто она вообще такая? Чего поднимает шум? У нее вообще с психикой

• *Игры небожителей* •

все в порядке? Ей вообще возможно доверять обучение детей? Конец цитаты, — произнесла она, криво усмехнулась. — Мне потом и не доверили. Тихо уволили, предложив место в городском архиве, где я просиживаю свою жизнь до сих пор. Жить-то надо было на что-то. На что-то надо было нанимать адвокатов, частных детективов.

— Вы нанимали частных детективов? — изумился он.

— Пришлось.

— И были результаты?

— Нет. Им так же, как и всем остальным, не позволили пойти дальше очерченного рубежа. Один из них просто наболтал мне чепухи и исчез с радаров, как это сейчас говорят. Второй вернул деньги и пожал плечами.

— Понятно, — изрек он философски, хотя ему ничего не было понятно. — Четырнадцать лет прошло с момента исчезновения вашего сына. Три месяца с момента исчезновения одного из подозреваемых вами. У меня вопрос: почему сегодня? Почему сегодня вы снова здесь?

Она посмотрела на него как на идиота. Так, наверное, она смотрела на тупых учеников, не усвоивших материал с первого объяснения.

— Я же начала именно с этого! — тихо возмутилась Анна Ивановна. — Вы не слушали? Не слышали меня?

— Мы же решили еще раз все уточнить, — миролюбиво улыбнулся он ей, стыдясь того, что действительно все прослушал из-за этой чертовой жары.

Галина РОМАНОВА

— А... Ну да... — приняла она объяснение и двойку ему не поставила. — Так вот... Позавчера, поздним вечером, в субботу, ко мне врывается девушка моего бывшего ученика. Вся в слезах. И утверждает, что полчаса назад на ее глазах ее парня похитили.

— Где это случилось? Во сколько?

Он взял в руки ручку, занес ее над листом бумаги. Не для протокола, нет. Для этого пока не было никаких оснований. Просто решил записать. Сделалось интересно, если честно.

— Случилось это на пересечении улицы Вермишева и переулка Садового. В половине одиннадцатого вечера, уже достаточно темно было.

И он тут же подумал, что в том месте — на пересечении улицы Вермишева и переулка Садового — темно даже днем. Там почти никто не ездит и уже давно никто не живет. Деревья там растут так тесно, что сквозь кроны не видно полуденного неба. Узкая выщербленная дорога, извилисто петляя, заканчивается тупиком.

Зачем кому-то понадобилось назначать там свидание? Что за блажь? Что за поиски неприятностей?

— Варвара говорит, что они с Пашей там всегда встречались.

— Варвара — это та самая девушка, которая прибежала к вам? — уточнил он, записывая.

— Совершенно верно.

— А Павел — ее парень? Ваш бывший ученик?

Он снова записал.

— Совершенно верно, — повторила Анна Ивановна.

— Фамилии у этих персонажей имеются?

• *Игры небожителей* •

— Павел Игумнов был одноклассником Сугрובה, — чрезвычайно зловещим шепотом произнесла бывшая учительница.

— Вот как! — Он на мгновение перестал писать. — И хорошим был учеником? Или таким же шалопаем, как Сугробов?

— А кто вам сказал, что Сугробов был шалопаем? Он был очень хорошим мальчиком. Отличником.

— Но вы сами...

— Это потом, много позже, он превратился в чудовище, изводящее близких. Но учился он отлично. И на олимпиадах городских побеждал. Вместе с Ильиным и... И моим сыном.

— Они дружили?

— Нет. Скорее соперничали. Но это было хорошее, здоровое соперничество. Это касалось только учебы и побед в олимпиадах. Никому не виделось в этом ничего опасного. Мне в том числе и...

— Как учился Павел Игумнов? — перебил он ее.

Все это он уже слышал. Она повторила не единожды за минувшие два часа.

— Павел? — Анна Ивановна наморщила совершенно гладкий, без единой морщинки лоб. — Павел учился из рук вон плохо. Вел себя отвратительно. Дерзил учителям. Прогуливал. Когда я познакомилась с его девушкой Варварой, я очень удивилась ее выбору.

— А когда вы познакомились?

— Позавчера. В субботу поздним вечером. — Анна Ивановна обессиленно облокотилась о спинку стула, облизала пересохшие губы. — Не могли бы вы мне предложить воды?

Галина РОМАНОВА

Мог! Целый графин стоял на подоконнике. Целый графин чистой, как слеза, теплой до противного воды. Ему самому хотелось воды, но только не такой. А ледяной, с пузырьками газа, чтобы сводило слюнные железы от холода и пощипывало в горле. А не было!

Он выбрался с места, шагнул к подоконнику. Налил ей стакан воды. Училка выпила, не поморщившись, не заметив, что вода теплая и противная. Глубоко подышала, готовясь к новому словесному марафону.

— Кто она — эта Варвара? Как фамилия? Как выглядит? Чем занимается?

— Варвара? Я видела ее впервые. Не учила ее никогда. — Анна Ивановна порылась в сумочке, достала визитку. — Вот что она мне вручила, попросив звонить, если мне что-то станет известно.

— Вам?

— Ну да.

— А почему вам? Почему бы ей самой не обеспокоиться судьбой ее парня? Почему она побежала к вам? Как узнала адрес? Как-то... Как-то не очень все звучит, не находите, Анна Ивановна?

— Не нахожу! — отрезала она нелюбезно и с грохотом поставила на его стол пустой стакан. — Всею есть логичное объяснение.

— Желаю выслушать.

Он отложил авторучку, отодвинул лист с записями в сторону, поверх положил визитку Варвары Карновой, работающей массажисткой в салоне в центре города. Во всяком случае, визитка сообщала именно об этом.

• *Игры небожителей* •

— Тем вечером они там, как всегда... — она вдруг покраснела. — Ну... Занимались интимом в машине. Оттого и место такое выбрали пустынное. Они, с ее слов, там всегда этим занимались.

Больше-то негде! Он чуть не фыркнул.

— Потом Павел вышел на улицу. Она — тоже. Подышать.

Ей было неловко все это передавать, он видел и понимал. Но помогать ей не спешил. Вся ее история казалась чудовищным вымыслом.

— И вдруг подъехала машина. Из нее вышли трое. Ее оттолкнули. Павла погрузили в машину и увезли. Она даже не смогла ничего сделать.

— Вызвать полицию не пыталась?

— Так вызвала! Приехал наряд. Посмотрели. Посмеялись. Предложили ее подвезти. Машина была Павла, водить ее она не имеет права. Она согласилась. В отделение, возле которого ее высадили, не пошла. Ей посоветовали этого не делать те, кто приезжал на вызов. Сказали, что ей выйдет дорожке. Тут она вспомнила обо мне.

— Как-то вдруг? — сморщился он скептически.

— Нет, не вдруг. Мой дом по соседству с отделением, порог которого она так и не решилась переступить. С ее слов, Павел много рассказывал ей обо мне и о моей трагедии. О том, что его одноклассник — Сугробов — был в числе подозреваемых, но так и не дошел до суда. Он даже ей мои окна показывал, когда они проезжали мимо. Она об этом вспомнила и решила прийти ко мне за помощью.

— И чем же вы могли бы ей помочь? Советом?

— Хотя бы.

Галина РОМАНОВА

— И что вы ей посоветовали?

— Я посоветовала ей дожидаться утра. Связаться с Павлом. Если не получится, связаться с его родственниками. Если он не объявится в течение двух-трех дней, то написать все же заявление в полицию. Тем более что она запомнила лица парней. Сняла на видео тот момент, когда машина, в которой увозили Павла, отъезжает.

— Вы видели это видео?

— Да, она мне его показала.

— Вы не делали копию?

— Мой телефон... — она застыдилась, опустила голову. — Он старый. Он не поддерживает все эти новшества. Но она оставила мне копию на флеш-карте. И... И тоже пропала.

— Кто?! — Он чуть не выругался. — Кто пропал на этот раз?!

— Варвара. Я пыталась вчера с ней связаться. Даже ездила в салон, который указан на визитке. Там сказали, что она не вышла на работу. Телефон отключен. Где она живет, никто не знает. Вот.

И она замолчала, сложив изящные руки на коленях, обтянутых льняной тканью широких брюк.

— Что — вот?

— Это вся моя история, товарищ капитан. Спасибо, что выслушали.

ШАБА 2

— Ты не проводишь меня?

Тяжело дыша, он чуть приподнял веки, попытался сфокусировать взгляд на лице молодой

• *Игры небожителей* •

жены. Лицо расплывалось, казалось просто пятном. Загорелым пятном с пятном ярко-розового цвета в области рта и двумя черными точками в области глаз. Кажется, вчера он перебрал, опустошая собственный бар.

— Глеб! — Супруга повысила голос до nepotpeбных октав. — Встань наконец!

Он вытянулся под простыней, поднял руки, потянулся с хрустом. Неуверенно присел на кровати, часто-часто поморгал. Зрение возвращалось. Сердце успокаивалось, дыхание выравнивалось.

— Что? — произнес он с хрипом.

— Ты не проводишь меня? — повторила она, вставая в позу — рука на талии, колено согнуто, зад оттопырен.

— Дверь там, — он осторожно мотнул головой в сторону дверного проема. — Не найдешь?

— Ну, Глеб! — заныла она, роняя руку и выпрямляя колено. — Ты как ведешь себя? Особенно в последнее время?

— Как? — Он наморщил лоб. — Напомни.

— Ты не обращаешь на меня внимания, пьешь. Все время где-то, но не со мной. Ты скверно себя ведешь! — подытожила она.

— Так? Так ты это видишь?

Так часто затапливаемое в последнее время алкоголем глухое раздражение полезло изо всех щелей. В висках застучало: «Ненавижу».

— А то, что я работаю по двадцать часов в сутки, пытаюсь строить политическую карьеру, это ничего? То, что устаю, изнемогаю от необходимости притворяться, улыбаться людям, которых презираю? Это ты в расчет не берешь?